

ПРИЗНАНИЕ

Ощущаю — я кровь
что через сердце твоё протекает.
Ощущаю — я слеза
что грусть твою обливает.

Ощущаю — я роса
что дни твои ласкает.
Ощущаю — я сумрак
что волосы твои путает.

Ощущаю — я грех
и каждый порок ночей твоих.

ШАХТЁРСКАЯ ЛАМПА

Какой это странный свет
собственной болью давит —
вижу следы не вырытой руды
а людей
не вижу
не могу усмотреть людей —
не узнаю людей.

В боли государь подземелья молчит
изумляется
чёрному закоптелому диву удивляется
не зная кому
направить слова упрёка.

Далеко
из глубины не виден
государь всевидящего сна.
Со дня ямы
хозяину тьмы
никто не может дать ответа.

А множатся
снопики холодного света,
постоянно потрясающе множатся
следы руды,
поблёскивающей руды
а людей
опять никак не видно.

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

Зачем эти змеи
в одряхлевших стенах,
кому предназначена отравы
из камня?

Для чего эти серые крысы,
над кем они шипят —
высушенные плаксы, изливающие своё горе
одичавшими языками зла?

Кому ты подарил кровлю,
позеленевшую от бурьяна,
словно жёлчь, словно гнев,
словно никогда не исчезающая злоба.

Там, где была тёплая постель,
тёплая детская для сирот,
теперь только состарившаяся мерзость
издевается над собственным бессилием.

Там где
древний обеденный стол любви расставляли,
только лютый тёрн буйно разросся,
чтоб сгнивший фундамент защитить от солнца.

Горе пустому дому,
в который луч дня с давних пор не попадает, —
только змеи, только кровопийцы,
выпивающие душу
у каменных одряхлевших стен!?

ДО РОЖДЕНИЯ

Тебя нет, птица
и в мёртвом гнезде твоём
трёх маленьких пёстрых яйца в нём.
О, малые птенцы!

Солнце грустит,
а я искренно радуюсь,
что вас нет.

Насколько вы счастливы,
вы малые,
умершие ещё до рождения.

Успокойтесь!
Вас нет — и мучить не будут.
Ведь вы невинные!

Перевёл **Войислав КАРАДЖИЧ**

ДОКТОР (ЖИВАГО) МЁРТВАГО

Пока Живаго сжимал в своих объятиях Лару,
о смерти я размышлял, о связи любовной старой.
Пока о Ларе стихи у доктора сочинялись,
любовь со смертью во мне местами переменялись.
Кругом умирали люди, косил их голод,
был смертью — вместе с любовью — роман уколот.

Вьются в полях снега, и замерзают чернила,
одна лишь о Ларе боль доктора сохранила.
Действительно, это боль, и нет от неё лекарства,
приходит издалека, заполняет пространство...

Вновь вспыхивает любовь, и смерть отступает,
забившись в угол глухой, подрёмывает, вздыхает...
Проснулась, пугает смерть... Чему я этим обязан —
большой мятеж на Руси совсем не мной был развязан.

О чём, Борис, теперь ты думаешь и хлопчешь,
о ком свой новый роман писать ты хочешь,
когда тяжёлые сны опутали нас, объяли,
нерадостно всё вокруг, и мир утонул в печали.

САМ В СЕБЕ

Кто мог такое придумать, будто бы я живой,
если всем задолжал я, всему виной?

И кто это вдруг подумал, будто могу писать,
если с трудом просыпаюсь и разучился дышать?

Зачем желать мне такого, чтоб жизнь моя расцвела,
коль осень не завершилась — зима пришла!

На что тут можно надеяться и верит во что,
если я пал так низко, что стал почти что никто?

Не длюсь я, не продолжаюсь, мне это ясно давно —
в себе сам собою стиснут, я лёг на дно.

Перевёл **Олег МРАМОРНОВ**